

A.A. Voronov

GEOPOLITICS AS DOMINATING FACTOR IN DETERMINING STRATEGIES OF ECONOMIC SUSTAINABILITY IN WESTERN EUROPE IN THE BEGINNING OF XXI CENTURY

Alexander Voronov – senior lecturer at the Department of Finance and Statistics of St. Petersburg State Technological Institute (Technical University), PhD in Economics, St. Petersburg; **e-mail: mignon1977@gmail.com.**

In the modern polycentric world economic systems of all levels including international economy, macro level, meso level, micro level can not function and develop when being unstable. Contextual area of problems of modern geopolitical instability and unsteadiness affects the established social and economic schemes of the Western world. That is why we make an attempt to phenomenologically consider the interdisciplinary character of theoretical approach to the problem of changing the status and the role of national economic systems in the countries of Western Europe. We characterize and specify economically interpreted determinants influencing the dynamics and sustainability on a national scale in industrialized Western countries.

Keywords: geographic space; geopolitical analysis; globalization; interdisciplinary character; crossbreeding; resources; systematization; economic stability and sustainability.

А.А. Воронов

ГЕОПОЛИТИКА КАК ДОМИНИРУЮЩИЙ ФАКТОР В ОПРЕДЕЛЕНИИ СТРАТЕГИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Александр Андреевич Воронов – доцент кафедры финансов и статистики ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет)», кандидат экономических наук, г. Санкт-Петербург; **e-mail: mignon1977@gmail.com.**

В современном полицентрическом мире экономические системы всех уровней, включая международную экономику, макроуровень, мезоуровень и микроуровень, не могут функционировать и развиваться, находясь при этом в состоянии устойчивости. Контекстуальное поле проблем современной геополитической нестабильности и неустойчивости влияет на устоявшиеся социально-экономические схемы Западного мира. Поэтому в статье предпринята попытка феноменологически осмыслить междисциплинарность теоретического подхода к проблемам изменения статуса и роли национальных экономических систем в государствах Западной Европы. При этом охарактеризованы и уточнены экономически интерпретированные детерминанты, оказывающие воздействие на динамику и устойчивость в масштабах национальных экономических систем в промышленно развитых странах Запада.

Ключевые слова: географическое пространство; геополитический анализ; глобализация; междисциплинарность; метизация; ресурсы; систематизация; экономическая стабильность и устойчивость.

Геополитика является частью гуманитарных наук. Она сформировалась на стыке географии, международного права и международной (мировой) экономики, причем смыслообразующими элементами

объединения этих разных научных направлений служили социологические и политологические факторы, влияющие на взаимоотношения между государствами посредством гибридизации и скрещива-

ния культур (метизации) на основные экономические интересы, а в области политической географии затрагивался вопрос о фиксации границ между государствами и о миграции населения. Такое формирование большого количества междисциплинарных связей повлекло за собой обмен между науками, причем в поле рассмотрения геополитических категорий попали история, экономическая география и политология. Характерной особенностью геополитической науки является тот факт, что ее предметно-объектная связь не выводится при помощи логической смысловой суммы предметно-объектных связей каждой из упомянутых наук в отдельности [2; 4].

Предполагается, что геополитику не следует путать с геополитической геостратегией, которая стремится применять в своих исследованиях сведения геополитических достижений. В современной геополитике, в отличие от геостратегических воззрений, в круг которых обычно включают проблематику сравнительной политологии, используются дипломатические, военные, экономические, социальные и культурологические доминанты, связанные с территориями и населением, живущим на этих территориях. Экономические стратегии крупных организаций, компаний, ассоциаций отражаются в зеркале географических и социальных факторов, изучаемых геополитикой. Поэтому интерес к разработке методологических оснований в современной геополитике предшествует изучению доминирующих факторов не только социально-экономического развития стран мира, но и факторов устойчивости национальных экономических систем. Это связано с тем, что экономическая динамика на уровне национальных концентров испытывает в современных условиях негативное влияние факторов всевозрастающей геополитической нестабильности. Главным образом, это касается государств Западного мира, к настоящему времени развитых в промышленном и, в целом, экономическом отношении. Помимо этого, государства Западного мира – Западной Европы и Северной Америки – к настоящему времени

являются носителями подлинно развитых культурологических институтов и систем современной демократии, генезис которых прослеживается еще со времен Античной Греции.

В то же время, ценностям, сформированным, к примеру, в государствах Западной Европы на протяжении огромного периода развития человеческой цивилизации, начиная с середины XX века и до настоящего времени, стали противостоять глобализационные процессы, предпосылки и основные трактовки которых имеют своим основанием демографический и экологический императивы [7. С. 119–120]. Парадокс заключается в том, что на фоне технологических и экономических прорывов в странах Западной Европы, интеграции экономически развитых стран в процессы формирования единого мирового информационно-телекоммуникационного пространства, происходят неконтролируемые демографические всплески в развивающихся странах и странах с переходной экономикой. Поэтому в общем итоге темпы роста численности населения земного шара, роль миграций в изменениях демографического облика современного мира, возникающие вследствие этого социальные, экономические и политические противоречия ведут к неконтролируемым и негативным последствиям глобализации мировой экономики, изменению векторов этой глобализации, которые становятся хаотическими и приносят высокий уровень энтропии в состояние открытой системы современного мира. Такого рода глобализация, метизация и экологически негативные последствия загрязнения окружающей среды формируют предпосылки кризиса всего евроцентристского мира и определяют проблему выживаемости, с экономической точки зрения, европейских государств и обуславливают завершение эпохи двухполюсного миропорядка [8. С. 19–20].

Возвращаясь к методологическим основам геополитики, отметим роль экономической географии в их структуре. География условно делится на три раздела: физическая география, социальная география и экономико-политическая гео-

графия. Географические исследования Земли и различных природных и человеческих феноменов имеют в своем генезисе историю и все многообразие сложных геологических и тектонических процессов, происходящих с момента образования планеты.

Однако уже на первых этапах развития политической науки выделяются вопросы социально-экономического характера: проблемы производства, перераспределения, обмена и потребления материальных благ и нематериальных услуг. На заре цивилизации именно географические особенности в совокупности с климатическими условиями формировали своего рода «внутреннюю программу» будущего экономического положения территорий, а также определяли и акторов политической жизни. Спустя несколько тысячелетий мы видим, что глобализация и оцифровка качественных характеристик современной экономической динамики не исказила важность географического фактора. Глобализация и информатизация дают только новое измерение хорошо известным природно-географическим детерминантам. Экономическая география во многих своих областях теперь должна быть заинтересована в том, что происходит во всем мире: она концентрирует в себе всё происходящее в мире в геополитическом ракурсе.

Геополитика посредством экономической географии отвечает на ряд противоречивых и до конца не изученных вопросов, как бы завершая юридический, психологический или чисто политический анализ. Эта междисциплинарная наука освещает основные политические события реально, на международном уровне, так же как на национальном или местном. Здесь ставятся актуальные и сложные вопросы для современного противоречивого мира: причины конфликтов, способы легитимной работы в условиях конкуренции, факторы образования альянсов и т.д. В современной геополитике делаются попытки дать хотя бы приблизительные ответы на такие вопросы, как природа тенденций европеизации или последовательность кризисов, верная направленность

суждений об актуальности главных политических программ, виды предполагаемых реформ и многие другие. Геополитика заставляет как бы проецировать современный мир в будущее, где может доминировать очень большое количество геостратегий.

Очевидно, что если мы принимаем некоторую точку зрения политика, которую государство никогда не приняло бы во внимание, то только тогда тип социального суперорганизма может реализоваться с точки зрения актора геополитики. Совершенно очевидно, что национальное государство в его различных формах остается ключевым геополитическим агентом независимо от того, имеет ли оно собственную систему права, суверенную власть, способность применять вооруженную силу, право взимать налоги, принимать обязательные для исполнения законы и т.д. Эта власть осуществляется в четко определенных пределах юридических и физических границ. С этой точки зрения, например, государства Западной Европы и развивающиеся страны так или иначе являются полноправными акторами геополитики.

Актуальным центром современной геополитики, интерпретированным в контексте национальных экономических систем Западной Европы, является так называемая проблема восточной модели демократии, которая раскрывается через существенные характеристики социокультурной системы Востока, а точнее, посредством соотношения активного и пассивного начал в социокультурных восточных системах. Этот восточный концентр социокультурных реалий диктует свою, восточную, парадигму экономической жизни социума, который внутренне противоречит (и противоречил всегда) нормам и реалиям, интерпретированным в экономической деятельности стран Западного мира и Западной Европы, в частности. Эти противоречия носят исторически сложившийся на почве религиозных доктрин (и не только) парадигматический акцент, что делает неизбежным изменение в соотношении принципов самоорганизации и организации международно-политических систем,

имеющих тенденцию к установлению анархических форм миропорядка.

Восточная и Южная Азия, исламский мир и Япония в свете вышеперечисленного создают не только противовес западно-европейской цивилизации, экономический уровень бытия которой значительно выше, но и активно пытаются формировать контуры нового полицентрического миропорядка, прибегая при этом к силовым методам, в том числе к международному терроризму [5; 6].

В этой связи странам Западной Европы, большинство из которых входит в Европейский Союз (ЕС), предстоит большая работа по нивелированию негативных последствий деятельности сепаратистских и реакционно настроенных государств – противников западноевропейской демократии. Надо предполагать, что эта деятельность, согласно принципам западной демократии, должна согласовываться с нормами международного права. Союзы государств, как правило, устанавливаются на довольно гибкой правовой базе, учитывая прочность национальных государств, особенно когда политические государственные границы более или менее защищены национальными традициями. Сегодня, однако, они становятся геополитическими игроками с нарастающим влиянием. С помощью таких международных организаций, как Организация Объединенных Наций (ООН), созданная специально для облегчения напряженности между государствами, можно договориться о правовом консенсусе, необходимом для выживания в глобализованном мире.

Что касается Организации Объединенных Наций и других межправительственных международных организаций, то они в пределах своих полномочий вносят поддерживающий миропорядок и нейтрализуют геополитическую нестабильность в области здравоохранения, культуры, труда, питания, банковского дела, экономики в целом, а кроме того, ведут усиленную борьбу с глобальным потеплением климата. Международные центры этих организаций как раз и размещаются в странах Западной Европы.

Известно, что главной региональной

экономической детерминантой являются ресурсы. И именно ресурсы имеют основополагающее значение для геополитических исследований. В настоящее время растет дефицит, а в худшем случае может происходить потеря многих первичных ресурсов, хотя именно к этой категории относятся сельскохозяйственные ресурсы: они будут убывать по количеству и качеству, расходуясь на продовольственные потребности населения мира, а рост этих потребностей не будет замедляться до середины века (как минимум) именно в силу такого геополитического фактора, как неуправляемость демографических тенденций в странах с низкоразвитой или переходной экономикой. Сегодня, несмотря на рост производительности, вызванный интенсивным сельским хозяйством, в силу разрушительного воздействия на природную среду, сельскохозяйственные ресурсы остаются незначительными и являются предметом постоянных финансовых спекуляций. Это опять же касается стран Западной и Восточной Азии, исламских государств, Африки, Южной Америки. В развитых странах Запада понятие территориального развития заполняет пробел в исследовательских традициях региональной науки, и в то же время пока не является стабильным фундаментом в системе воззрений западной регионалистики. Оно синтезирует два понятия: развитие и территория, которые являются реальностями, сопряженными с большими трудностями в интерпретации в разных экономических школах. В некоторых из них, наиболее перспективных, акцент делается не на масштабировании территории, а на способе организационного координирования и управления самой территорией [1. С. 205].

Речь идет о процессе формирования активного управления территориями различными экономическими агентами, к которым относятся не административные инстанции, а проектные организации и структуры, которые в масштабе конкретной территории все чаще и чаще заменяют административные инстанции. Таким образом, государственное управление территорией постепенно сводится к минимуму [9. С. 15–35].

Однако следует различать некоторую долю вмешательства в процесс управления территорией как органами государственно-административных структур, так и местными заинтересованными агентами. По степени такого вмешательства различают следующие экономические теории:

1) теория основания, которая делает ставку на роль, структурирующую внешние рынки сбыта;

2) теория полюсов роста (или полюса конкурентоспособности), которая делает ставку на результат обучения городского населения;

3) теория международной торговли, которая добивается региональной отличительной специализации;

4) теории неравного обмена, которые пытаются объяснить различия в практических достижениях способа включения в мировую экономику;

5) теории эндогенного развития, которые способствуют деятельности местных активных участников по включению в автоцентрированные темпы развития;

6) теории новаторских кругов, которые подчеркивают инновационные тенденции научных и творческих кругов в их роли в структурировании региональных экономик [1. С. 205].

Кроме того, существуют еще теории территориального развития, подчеркивающие активную роль развития самих территорий, представленную не как поддержку развитию, а как социальное производство, поддерживающее развитие регионов. Здесь уместно вспомнить, что именно эта теория в вопросе о региональном развитии – это «полюса роста», описанные французским экономистом Франсуа Перру в пятидесятые годы прошлого века [10].

Понятие территориального развития предлагает намного больше, чем другие способы создания реальности регионального и местного развития в различных масштабах. Речь идет об изменении парадигматики в региональном развитии. С понятием территориального развития социология в многопредметной и междисциплинарной перспективе дает средства признавать значимость территории, не

только как осязаемой биофизической реальности, но и в качестве социального устройства. И можно было бы указать на центральную гипотезу, которая перестроила бы эту новую научную парадигму, и которая внедрила бы новое знание на примере западного общества. Процесс социального строительства территорий особенно интересует социологию и историю, в то время как экономические пространственные динамические детерминанты интересуют экономику в силу того, что экологические реальности этих пространств мобилизуют географические и естественные науки [1. С. 205].

Обширная работа социополитического воспитания имеет целью показать взаимные преимущества партнерского подхода в пользу того, что стало бы большим проектом общества, то есть комплексного, целостного территориального развития. Это означает, что часть налоговых ресурсов городов будет в ближайшем будущем служить для правительств, чтобы поддерживать и развивать службы в сельских зонах со слабой плотностью населения, но взамен эти зоны смогут продолжить предлагать городскому населению многочисленные сельские блага, оцененные горожанами [1. С. 206].

В итоге, солидарное территориальное развитие основывается на лучшем понимании связей взаимозависимости между сельскими и городскими экономиками, на признании права сельских объединений развиваться в пределах ресурсов, доступных на их территории. Такое право выражает ответственность и солидарность общества в пользу сельской среды, которая обеспечивает значительные сектора экономики продукцией общественных благ. Но в случае сельских регионов государство должно им предложить общественные ресурсы, чтобы они продолжили осуществлять расширенную миссию, в которой заинтересовано все общество в целом.

Применение принципов длительного развития к сельской среде тем интереснее, что фундаментальным устоям регионов и сельских объединений угрожает новый состав территорий в связи с глобализацией. В то же время теория территориально-

го развития, намеченная П. Эдало [3], обусловлена ходом длительного развития (главным образом, с территориальным подходом), где предпочтения тому или иному типу развития локально увязаны с заинтересованными действующими агентами. Тогда можно утверждать, что длительное сельское развитие (то есть общий территориальный подход к нему, по мнению Эдало) и интегрированное развитие сельских коллективов основываются на тройной координации между экономической своевременностью, экологическими принуждениями и социальной приемлемостью. Внедрение процесса длительного сельского развития должно было бы подтвердить также для многих территорий, находящихся в стадии вымирания, обоснованное сельское восстановление, которое основывается на социальной жизнеспособности сельских объединений, на экономической жизнеспособности местных экономик и на экологической пригодности сельских систем [1. С. 206].

Минеральные ресурсы составляют вторую категорию первичной продукции, необходимой для человеческих обществ. Несмотря на развитие промышленной технологии, потребность в традиционной металлургии, добыче железа, меди, бокситов, свинца и олова остается актуальной, хотя и снижается с течением времени. Сегодня использование металлов и редкоземельных металлов в электронной промышленности является неумеренным расточительством, так как давно доказано, что их можно легко заменить производными кремния, дефицита которого на планете пока нет. Нельзя не отметить также, что к ресурсным факторам, формирующим геополитическую напряженность в мировой экономике, относятся конкурентные формы борьбы за рынки сбыта нефти и газа. Именно в этих императивах странам Западной Европы приходится вырабатывать и внедрять на практике политико-институциональные регуляторы, которые способствовали бы снабжению этих стран данными видами ресурсов.

Исходя из соображений, мы можем сформулировать два основных положения, которые составляют элементы ядра

геополитической программы исследований:

1) Все то, что включается в функции подпространства географически сложных, как мы видели выше, измерений. Идея «демократического характера» того или иного политического режима на основе западных моделей предполагает формирование термина, используемого в качестве индекса в геополитическом контексте. «Политическое пространство», как вторичный, «результативный» детерминант, может стать измеримым во множестве конкретных результатов, производящихся в обществе, использующем ту или иную форму политического управления.

2) Помимо географически сложных функций экономического пространства, неизбежно вовлекаются в геополитические взаимодействия экономически интерпретированные количественные средства распространения информации, печатные и электронные СМИ, которые функционируют в рамках компаний по различным вопросам. Эти взаимодействия представляют собой вторую фундаментальную основу, утверждающую, что существует некоторая часть геополитического пространства, изучаемая в двух плоскостях: в их собственной международной среде и гетеродетерминированной, равномерной и тождественной по отношению к конкретной международной среде с помощью синергического, интерсубъективного сплетения.

Экономика, политика, культура и информация определяются рядом геополитических индексов, измеренных соотношением внутренних структур полюсов, каждый из которых содержит ту или иную подсистему: географическую среду, социальные факторы жизни общества, социально-экономическую инфраструктуру, количественно интерпретированные регуляторы динамики и устойчивости региональных рынков в масштабах национального единства.

Интерсубъективность системы таких полюсов может быть интерпретирована либо самим национальным государством, либо международным коллективным институтом (системой международной кол-

лективной безопасности, международного развития институциональных органов управления, международными культурологическими метизированными сообществами), либо экономическими группировками, имеющими международное значение (транснациональные корпорации, банковские консорциумы, а также их сложные соотношения, интерпретированные уже на метатеоретическом уровне геополитическими ориентирами новой реальности) [12; 13].

Мы полагаем, что для того чтобы разработать некие интеллектуальные образцы в тенденциях перераспределения власти, сосредоточенной в современных центрах геополитических реалий, необходимо принимать меры точного национального выравнивания, ориентированного на перераспределение мощностей существующих фаз геополитической устойчивости.

В качестве акторов современных этногосударств, коллективных и международных систем безопасности целесообразно изучать международные экономические, политические и культурологические геополитические научные школы, в рамках которых формируются факторы, противодействующие глобальным мировым конфликтам и направленные на обеспечение целостности и интерсубъектности (связности) векторов, направленных на противодействие международному терроризму, в том числе и тому терроризму, который может быть интерпретирован как реакция на информационно-идеологическое и культурное поступательное внедрение западной идеологии, распространяющейся в странах Восточной и Южной Азии (Китай, Индия), мусульманских государствах, Японии.

Завершая исследование заявленной темы, следует отметить, что все фазы геополитического анализа, как теоретического, так и метатеоретического, интерпретированы не как предположения и опровержения, а как совокупность структур, действий, функций, влияний, форм динамической геополитической нестабильности. Такой геополитический анализ в результате приводит к синтезу геостратегиче-

ских последствий как итог положительной эвристики геополитической исследовательской программы. При этом необходимо помнить, что подмена набора вспомогательных гипотез может обернуться проблемой трансформации внутренних передач, так как обозначенные выше зоны защиты этих гипотез не всегда согласованы на практике с положительной эвристикой научно-исследовательской программы – они всегда ограничены рамками функционирования ведущих научных идей, применяемых для разработки методологических принципов как теоретического, так и метатеоретического уровней познания экономической динамики и устойчивости, под воздействием факторов геополитической нестабильности современного, бурно развивающегося полицентрического мира.

Поэтому автор полагает, что нельзя систематически указывать лишь на то, что геополитика – это наука о конфликтах и войнах, она должна интерпретироваться как системообразующее начало пространственной экономики, именуемой на Западе региональной наукой [11]. Такое понимание предмета геополитики шире, чем то, в котором все методологические корни данной науки отыскиваются в природе международных конфликтов. Тем не менее, регулирующие отношения между акторами («игроками») в геополитическом пространстве, особенно когда речь идет о государствах и крупных компаниях, должны иметь значительные потенциалы оборонных средств. Как правило, это как раз и касается развитых стран Западной Европы, которым «есть, что терять» в процессе конфликтов, серьезно угрожающих их целостности и экономической мощи. В качестве компромиссных мер эти западные государства готовы заключать договора или соглашения, предусматривающие возможность делиться ресурсами или сферами влияния.

Тем не менее, эти мероприятия кажутся незначительными по сравнению с теми, которые проводят многие преступные организации, открыто нарушая законы, запрещающие определенные виды деятельности, противоречащие общест-

венному порядку и нравственности. В государствах и регионах, пострадавших от действий такого рода преступности, как это имеет место в южной Италии и в других регионах Европы, преступные организации живут не только торговлей людьми или запрещенными товарами. Они по существу ставят под угрозу общие экономические и социальные мероприятия, действуя с помощью коррупции, составляют и внедряют в правоприменительную практику преступные административные акты. Тревожно видеть, что с течением времени и несмотря на протесты, призывающие к возвращению к законности, преступные организации и их пособники в государственных органах не теряют почву под ногами. И в этом отношении Западная Европа – пример наименьшего распространения и функционирования вышеуказанных преступных, антисоциальных геополитических деструкторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воронов А.А.* Региональное и территориальное развитие как основа целостного экономического усиления роли сельских территорий в развитых странах Запада // Проблемы современной экономики. 2014. № 4(52). С. 204–209.
2. *Amilhat-Szary A.-L., Fourny M.-C.* Après les frontières, avec la frontière. Nouvelles dynamiques transfrontalières en Europe. Paris: Editions de l'Aube, 2006. 307 p.
3. *Aydalot P.* Économie régionale et urbaine. Paris: Économica, 1985. 278 p.
4. *Dubois C., Michel M., Soumille P.* Frontières plurielles, frontières conflictuelles en Afrique subsaharienne. Paris: L'Harmattan, 2000.
5. *Foucher M.* Fronts et frontières. Un tour du monde géopolitique. Paris: Fayard, 2007. 237 p.
6. *Kuntz J.* Adieu à Terminus. Réflexions sur les frontières d'un monde globalisé. Paris: Hachette Littératures, 2004. 283 p.
7. *Lipietz A., Altusser L., Balibar E.* Capitale le coin. Paris: La lecture le Capital Petite Collection Maspero, 1998.
8. *Lipietz A.* Capitale le coin. Paris: Maspero, 1991.
9. *Mollard A., Pecqueur B.* Le développement régional: enjeux de recherche et d'acteurs // Territoires et enjeux du développement régional. Versailles: Éditions Quae, 2007. P. 15–35.
10. *Perroux F.* L'économie du XXe siècle. Paris: Presses universitaires de France, 1969. 224 p.
11. *Picouet P., Renard J.-P.* Les frontières mondiales, origines et dynamiques. Paris: Le Temps, 2007. 159 p.
12. *Renard J.-P.* La frontière: limite géopolitique majeure mais aussi aire de transition // Collectif, Limites et discontinuités en géographie. Paris: Sedes, 2002. P. 40–66.
13. *Velasco-Graciet H., Bouquet C.* Regards géopolitiques sur les frontières. Paris: L'Harmattan, 2007. 290 p.